

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.76.97.027

Нарративные аспекты ритмологической практики

Шкарин Дмитрий ЛеонидовичКандидат философских наук,
тренер-психологЦентра развития тренинговых технологий,
620049, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Первомайская, 92-58;
e-mail: dshkarin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются практики ритмологического консультирования сквозь призму принципов и приемов нарративной психотерапии. В ходе анализа выявляются узловые точки пересечения обозначенных подходов консультирования: техники экстернализации проблемного и ресурсного содержания, выделение уникальных эпизодов как оснований для коррекции жизненных траекторий и формирование авторской позиции клиента в отношении собственного жизненного пути. При этом формируется двойная перспектива: использования приемов ритмологии в практике нарративной психотерапии и использования приемов нарративной психотерапии в практиках ритмологии. В итоге формулируется обобщающее видение ритмологического консультирования в фокусе парадигмы эпистемологического и социального конструктивизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Шкарин Д.Л. Нарративные аспекты ритмологической практики // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 2А. С. 374-382. DOI: 10.34670/AR.2023.76.97.027

Ключевые слова

Социальный конструктивизм, нарративная психотерапия, консультирование, ритмология, жизненные сценарии, методы изменения личностных установок.

Введение

Завершение двадцатого века ознаменовалась поворотом психотерапевтической практики в сторону нарративизма. Тому было много причин социального, философского и мировоззренческого характера. В условиях формирования единого глобального пространства цивилизация столкнулась с многообразием локальных дискурсов, что нашло свое отражение в рамках общесоциальных постмодернистских и постструктуралистских парадигм. Одновременно осуществлялся подобный разворот научных и эпистемологических парадигм в сторону конструктивизма во всевозможных его проявлениях вплоть до радикального конструктивизма [Турушева, 2016; Фридман, Комбс, 2001].

Психотерапевтическая практика моментально отразила в себе смену мировоззренческих ориентаций с эссенциального, натурального понимания мира и места человека в нем в пользу гибких систем структурирования жизненного пространства в условиях встречи разнообразных коммуникативных сообществ. Недирективные психотерапевтические техники стали ориентироваться на индивидуальные способы осмысления жизненных обстоятельств современного человека с учетом как принудительного, но зачастую неосознаваемого влияния социальных метанарративов, так и частных стратегий выстраивания, осмысления и конструирования собственного жизненного пути.

Один из влиятельных психологов двадцатого века, стоявший у истоков нарративистской эпистемологии, Джером Брунер в своей программной статье «Жизнь как нарратив» зафиксировал сущность нового подхода к пониманию механизмов структурирования человеческой жизни: «Я верю, что способы говорения и способы концептуализации, соответствующие им, становятся настолько привычными, что в результате становятся средством для структурирования самого опыта, для прокладывания путей в память, не только управляя жизненным описанием настоящего, но и направляя его а будущее» [Брунер, 2005].

Появление нарративной психотерапии означало смещение внимания в работе психолога-консультанта с априорных объяснительных схем и представлений о сущности личности на структуру и содержание собственного повествования клиента о своих жизненных обстоятельствах. Нарративная психотерапия на данный момент времени обрела устойчивую согласованную систему принципов, технологических карт и приемов работы с клиентом [Уайт, 2010]. В то же время мы фиксируем наличие систем, обладающих ощутимым психотерапевтическим потенциалом, базирующимся на тех моментах, которые в меньшей степени отражены в традиционных нарративных подходах, но, радикализируя их потенциал, создают эффекты, во многом недоучтенные, а потому и недостижимые в них.

Ритмология, как комплексная система структурирования жизненного пространства и времени, способствует фундаментальному переосмыслению систем координат, ориентирующих человека в действительности. С точки зрения нарративной психотерапии, этот момент выступает на первый план в свете открывающихся возможностей, заданных ритмологической парадигмой.

В целом, ритмология является движением, самоопределяющимся в широких границах, пересекающихся, с одной стороны, с психотерапевтическим консультированием, с другой – с интегральными мировоззренческими концепциями, задающими формы целостного миропонимания и осмысления жизни. Автор метода ритмологии Е.Д. Лучезарнова в ряде методологических и иллюстративных работ продемонстрировала возможности метода и дала соответствующий инструментарий с подробными инструкциями по применения

ритмологических процедур на практике [Лучезарнова, 2008, 2015, 2016; Марченко, 2010].

В данной статье мы анализируем, каким образом в ритмологической практике воплощаются такие традиционные аспекты нарративной психотерапии, как **экстернализация**, пересочинение жизненных историй с опорой на **уникальные эпизоды** и формирование **авторской позиции** при конструировании жизненных траекторий [Фридман, Комбс, 2001].

Основное содержание

Принцип **экстернализации** является одним из ключевых в нарративной психотерапии, поскольку позволяет объективировать событийное наполнение жизни без того, чтобы проводить жесткое отождествление и идентификацию личности с проблемным содержанием ее собственной жизни. Разделение личности и проблемного содержания задается такими взаимодополнительными речевыми приемами, как номинализация (перевод процессуальных характеристик в форму имени существительного), персонализация (метонимия, оживление и одушевление аспектов ситуации), субстанциализация содержания (реификация, овеществление абстрактных атрибутов и понятий) [Уайт, 2010; Фридман, Комбс, 2001].

Необходимо сразу отметить, что техники экстернализации в культуре нового времени противостоят техникам интернализации как основному механизму социализации современного субъекта, действующего за счет присвоения им нормативных шаблонов самоописания, формируемых ближним и дальним социальным окружением индивида. Еще Мишель Фуко, как и многие другие мыслители, осуществлявшие деконструкцию концепта человека как предзаданной сущности, убедительно продемонстрировал историческую относительность самих представлений о норме и человеке как таковом. Действительно, как показывают исследования в рамках социального конструктивизма, основу идентичности личности составляют, по меткому выражению философа и политтехнолога А.А. Чусовитина, «пучки нарративов», в которых закрепляются представления индивида о себе и своих возможностях действия в окружающем мире. Данное присвоение создает как положительные, так и отрицательные эффекты для личности, поскольку формирует жесткие системы установок, связывающих индивида соответствующими схемами поведения и влияющими на процессы его самооценки. Проблемные идентификации, связанные с такими номинализациями, как, например, *неудачник*, *депрессант*, *больной*, *нищий*, *жертва* и т.п., могут фактически лишать индивида субъектной позиции и сами по себе поддерживают проблематическую симптоматику, в том числе и на уровне самосбывующихся пророчеств. Диссоциация же субъекта от подобных номинализаций создает пространство новых возможностей действия и нового опыта, в чем и состоит техника экстернализации в нарративной психотерапии.

В ритмологии процесс использования принципа экстернализации разработан с такой степенью тщательности и разнообразия, что можно считать его одним из ведущих механизмов, ответственных за терапевтические эффекты данного метода в целом. Рассмотрим применение техник экстернализации в ритмологии по порядку.

Первое, что обращает на себя внимание: экстернализации в ритмологии подлежат не только проблемные аспекты жизненных историй личности, но прежде всего сами ресурсы, необходимые для переструктурирования проблемного опыта и выведения личности в ресурсную позицию. В рамках метода последовательно разворачивается система объективации самых разнообразных аспектов действительности, которыми субъект может распоряжаться по своему усмотрению как «внешними субстанциями». Можно по-разному относиться к их

онтологическому статусу, но в плане психотерапевтического процесса эти объективации задают параметры конструктивной ориентации в мире и осознанного целенаправленного действия в нем.

Таким образом, экстернализация несет в ритмологии двойную нагрузку: как и в традиционной нарративной психотерапии, экстернализуются проблемные аспекты жизненных ситуаций, с другой же стороны, и это очень важный аспект метода, выносятся вовне, объективируются и овеществляются ресурсные возможности личности. У индивида закрепляется установка свободного отношения к событийному наполнению жизни, когда он по своему желанию может сдвигаться от позиции полного погружения в событие в позицию соучастника и даже внешнего отстраненного наблюдателя, владеющего инструментами переоформления восприятий, отношений и действий в конкретных жизненных обстоятельствах, касающихся личных, профессиональных и социальных контекстов. Выбор партнера, рода деятельности, места жительства и прочих обстоятельств, подчеркивается в методе, перестают быть фактами навязанной судьбы, если индивид сознательно тренирует способность вычленять себя из ситуации, выявлять и изменять событийные связи. Но для этого, прежде всего, необходимо научиться рассматривать и использовать время как главный ресурс организации жизни.

Теперь мы должны более подробно остановиться на понимании в ритмологии самой категории времени. Дело в том, что в процессе развития философского и научного познания категория времени интерпретировалась и переинтерпретировалась самыми разнообразными способами, но всегда сохраняла трудноразрешимое, парадоксальное свойство глубинной, интимной причастности времени внутренней природе сознания, зачастую неподдающееся, как и само сознание, какой-либо удобоваримой понятийной объективации.

В естественных науках время либо растворяется в самих пространственных координатах в качестве меры движения и ландшафта действия, либо объективируется как четвертая координата единого континуума пространства-времени. В философских дискурсах чаще всего время отражает те свойства субъекта, которые непосредственно и формируют ландшафт его сознания. Соответственно, в нарративной психотерапии время начинает играть ключевую роль как способ организации повествования о жизни в согласии с метафорой: мы рассказываем истории о своей жизни, которые, в свою очередь, сами и проживают нас.

Последний момент очень сближает нарративный подход с ритмологическим с тем отличием, что события жизни требуют не только рассказа и пересказа, но и вдумчивого прочтения с опорой на координаты времени как такового. В ритмологии этот принцип максимально онтологизирован и возведен в абсолюте. Ритмологическое время (или ритмовремя) в данной дисциплине не только формирует и организует, но и преобразует любое содержание жизненного опыта. Концептуально это выражается в системах категоризации времени и выделении ритмовремени как высшего организующего начала, управляющего всеми параметрами действительности. Формально экстернализация категории времени осуществляется через ряд овеществляющих номанализаций: капсулы и гранулы ритмовремени, капли и пыль времени т.п.. При этом активно используются не только овеществляющие номинализации, но и субстантивные глагольные метафоры: время можно собирать, уплотнять, загущать, консервировать и распределять. Отсюда вытекает и оригинальная категоризация жизни, связанная с различением жизни, псевдожизни и ритможизни. Обратим внимание, что посредником в осуществлении этих процессов является опять-таки широким набором выделенных и объективированных в речи временных субстанций: ритмов, алфавитов времени,

временных координат, матриц, ключей и операторов субстанциональных преобразований [Лучезарнова, 2015, 2016].

В результате участники ритмологической практики начинают понимать и использовать различные формы временной организации жизни: границы и интервалы времени; последовательности и причинно-следственные отношения; циклы и антициклы; зарождение, осуществление и завершение процессов и событий. Обладание этими навыками и позволяет в итоге выстраивать и считывать богатые повествовательные связи, пронизывающее прошлое, настоящее и будущее собственной жизни.

В качестве развернутой иллюстрации приведем рассказ, в котором описывается проявление различных режимов восприятия времени в повседневной жизни:

«Заметила такую особенность. Когда ложимся спать, муж заводит часы и говорит: "В семь часов встать". Я же всегда думаю не о том, во сколько мне встать, а считаю, сколько мне осталось спать, и говорю: «Через шесть часов встать».

С этим свойством определять время была связана забавная история. Звоню мужу из другого города, где я была в командировке (время было около десяти утра), и прошу встретить меня в аэропорту через четыре часа. Он с радостью согласился.

Прилетаю, жду – никого. Еду домой. Он очень удивлен моему появлению: "Ты же прилетаешь в четыре часа?! Я только собрался ехать тебя встречать!" Оказалось, что слова «через четыре часа» он понял не как 10 часов + 4 часа, то есть 14 часов, а как «прилетаю в четыре часа», то есть в 16 часов» [Лучезарнова, 2015].

Широко используется в ритмологии и такой инструмент нарративной практики, как **персонализация ресурсов**: выделение и объективирование, к примеру, отдельно поименованных мировых дочерей, световых друзей и лучевых сыновей, каждая из которых отвечает за отдельные качественные трансформации времени и бытия. К примеру, настройка на определенные режимы ментальной активности через персонализацию «простого, сложного и пустого световых друзей» позволяет регулировать информационные связи и является ярким примером экстернализации когнитивного потенциала личности /мозга. Весь этот набор ресурсов и инструментов в итоге создает широкие возможности перенастройки жизненных историй в широком диапазоне дополнительных степеней свободы, обычно упускаемых из виду типовыми нарративными практиками психотерапии.

Теперь мы коснемся второго базового принципа нарративной терапии: вычленение и использование **уникальных эпизодов** жизненных историй. В традициях нарративной психотерапии уникальные эпизоды служат примерами проявления тех свойств личности, которые противоположны неосознанно сформированным и некритически интернализованным генерализациям. В жизни неуверенного в себе человека могут случаться моменты проявления мужественного и даже героического поведения. Обидчивый или зависимый человек может в некоторых жизненных обстоятельствах проявить качества мудрости или волевого самоопределения и т.д.. Чтобы изменить базовые установки к себе, необходимо уметь вычленять подобного рода уникальные эпизоды собственных автобиографий в качестве основы для создания альтернативных жизненных историй, которые могут изменить самоотношение личности и развернуть вектор жизни в более приемлемые и менее проблемные сценарии и траектории дальнейшего жизненного пути.

Практика ритмологии показывает, что в технике работы с уникальными эпизодами заложен богатый потенциал, если применять к ним детально разработанные схемы категоризации событийно-содержательного наполнения жизни. Основу этой категоризации составляют уже

описанные выше экстерналии времени, которые отделяют проблемную содержательную зону от беспроблемных событийных рядов. В проблемной зоне различаются собственно проблемы как повторяющиеся негативные жизненные сценарии и ущербы как невозможные упущенные возможности позитивных сценариев. В беспроблемной же зоне, в свою очередь, вводится различие между нормализованными событийными рядами, соответствующие обычным стереотипным установкам локальных социумов, и уникальными ритмособытиями как внутренними и внешними эффектами использования ритмовремени.

Типичным примером эффекта использования уникальных эпизодов является рассказ подростка после прохождения одной из ритмологических практик:

«Мне 13 лет. Как-то на улице у меня отобрали мобильный телефон. Из-за своего страха я стал больше сидеть дома, потому что боялся выйти на улицу лишней раз. И еще я понял, что много чего боюсь в своей жизни, например, домовых.

После того, как я принял ритмомеру «Извлечение пользы из страха, я понял, что бояться чего-то не стыдно. Все дело в том, как ты к этому страху относишься. Чтобы преодолеть страх темноты я начал ходить ночью в лес. Или, например, я очень боялся телевизионной камеры и давать интервью. Поэтому, когда к нам в город приехала съемочная группа с телевидения, я сам пришел дать перед камерой интервью. Конечно, мне было страшно, но я преодолел свой страх» [Марченко, 2010].

Данный нарратив подростка наглядно демонстрирует, что за счет изменения своего отношения к страху он не только перестал ассоциироваться с событиями, явившимися причинами проблемных состояний, и, как следствие, избегать потенциально стрессовых ситуаций, но, напротив, осознанно приступил к формированию нового нарратива своей жизни за счет участия в уникальных эпизодах преодоления самого состояния страха. В данном конкретном случае мы видим, как это всегда и бывает, взаимопереплетение всех трех базовых принципов нарративной терапии (экстернализации, уникальных эпизодов и авторской позиции) в рамках единого повествования.

Особый интерес представляет практика работы с ритмособытиями, именуемыми в данном методе знаками. Специфическое различие знаковых ритмособытий требует не только концентрации внимания на уникальных эпизодах, совершающихся в ландшафте действия, но и соответствующую настройку ландшафта сознания, в котором происходит соотнесение событийных и знаковых рядов с объективированными ресурсными субстанциями времени [Лучезарнова, 2015; Марченко, 2016].

Таким образом, тщательно продуманная детализация уникальных эпизодов позволяет осуществлять тонкую настройку, перенастройку и коррекцию содержательного наполнения жизни для их онтологического и ритмологического прочтения в рамках данного метода. Специфические нарративные практики формируют гибкие нарративные структуры, что помогает консультантам и их клиентам протягивать и устанавливать длинные и объемные смысловые связи внутри событийных и знаковых рядов на протяжении всей жизни, интегрируя индивидуальные, семейные, профессиональные, этнические и прочие обстоятельства жизненного пути конкретного человека.

И тут мы переходим к третьему важному аспекту нарративной психотерапии – **авторской позиции личности** в сфере собственных жизненных историй. Если в нарратологии существует принципиальное различие позиций автора и персонажей повествования [Шмид, 2003], то в рамках нарративной психотерапии личность одновременно являет в себе и автора, и рассказчика, и главного персонажа, и реципиента собственных жизненных историй. В этом и

состоит ценность нарративного подхода, поскольку позволяет клиенту осознанно и ответственно принимать жизненные решения даже в условиях неблагоприятных социально или природно обусловленных контекстов.

В ритмологии данный принцип воплощается в практике вычленения уровней наблюдения за окружающим и внутренним контекстом с учетом ментального, эмоционального и волевого участия либо неучастия в нем. Соответственно, практика наблюдения создает основу для коррекции самих событийных и знаковых рядов с возможностями передвижения центра самоидентификации личности в любых выделенных и объективированных инстанциях самости [Марченко, 2010]. Это обстоятельство во многом сближает ритмологический подход не только с нарративной, но и интегральной психотерапией, поскольку в итоге регуляции поддаются не только содержательные аспекты жизни, но и уровни ассоциации-диссоциации личности с ними.

Границы телесных, социальных и экзистенциальных практик в ритмологии становятся подвижными, что создает новые степени свободы для самореализации личности. Тело, имя, эго, суть, различные виды разума превращаются в арену онтологического либо игрового, мистериального проживания и экспериментирования. Но если интегральная психотерапия, работая на стыке диссоциации и ассоциации, онтологизирует процесс как финалистский, то в ритмологии удерживается вектор открытости новому опыту как пространству эксперимента по реализации до сих пор непознанных возможностей разума.

Заключение

Мы видим сущностное пересечение техник и принципов нарративной психотерапии и ритмологической практики. При этом установление проанализированных в данной статье линий пересечения создает эвристики как для нарративной психотерапии в использовании новых тонких настроек при создании карт терапевтических бесед с клиентом, так и для ритмологии, давая ритмологам в руки новые объяснительные схемы и инструменты при взаимодействии с клиентом и демистифицируя в его глазах конструктивные эффекты, которые он получает в результате применения процедур ритмологической практики. Последнее обстоятельство выводит и саму ритмологию в целом из-под угрозы обвинения метода в эксплуатации религиозно-мифологических метанарривов. Напротив, мы видим иную тенденцию движения в сторону современного эпистемологического и социального конструктивизма, отдающих себе ясный отчет, что жизнь современного человека структурируется огромным количеством больших и малых нарративов, формирующих в том числе и гибкие научнопоэтические структуры повествования. О чем говорит и сама автор ритмологического метода Е.Д. Лучезарнова: «Как хотите, так и назовите: религией, наукой, искусством, жизнью, фантастикой, сказкой, невероятностью, но ясно одно: любой вход на планету и выход с планеты идет через Ритмовремя» [Лучезарнова, 2014].

Впрочем, детальный анализ преломления принципов социального и эпистемологического конструктивизма в современных мировоззренческих и терапевтических подходах является темой для дальнейших отдельных исследований.

Библиография

1. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 9-29.
2. Лучезарнова Е.Д. Откровенное знакомство. Том 1. СПб.: Ритмовзлёт, 2015. 216 с.
3. Лучезарнова Е.Д. Откровенное знакомство. Том 4. СПб.: Ритмовзлёт, 2014. 312 с.

4. Лучезарнова Е.Д. Ритмика для события. СПб.: Ритмовзлет, 2008. 288 с.
5. Лучезарнова Е.Д. Ритмология для каждого. СПб.: Ритмовзлет, 2015. 408 с.
6. Лучезарнова Е.Д. Тематический прояснитель. СПб.: Ритмовзлет, 2016. 96 с.
7. Марченко Е.Д. Знакомься, знак! Знакомьтесь – знаки! М.: Ритм 25, 2010. 224 с.
8. Марченко Е.Д. Извлечение пользы из страха. М.: Ритм 25, 2010. 32 с.
9. Турушева Ю.Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 24-32.
10. Уайт М. Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010. 325 с.
11. Фридман Дж. Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: истории и рассказы как терапия. М.: Класс, 2001. 360 с.
12. Шмид В. Нарратология. Языки славянской культуры. М., 2003. 312 с.

Narrative aspects of rhythmological practice

Dmitrii L. Shkarin

PhD in Philosophy,
Trainer-Psychologist,

Center for the Development of Training Technologies
620049, 92-58 Pervomaiskaya st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: dshkarin@mail.ru

Abstract

The article examines the practices of rhythmological counseling through the prism of the principles and techniques of narrative psychotherapy. In the course of the analysis, the nodal points of intersection of the indicated consulting approaches are revealed: techniques for externalizing problematic and resource content, highlighting unique episodes as grounds for correcting life trajectories and forming the client's author's position regarding his own life path. At the same time, a double perspective is formed: the use of rhythmology techniques in the practice of narrative psychotherapy and the use of narrative psychotherapy techniques in the practice of rhythmology. As a result, a generalizing vision of rhythmological counseling is formulated in the focus of the paradigm of epistemological and social constructivism.

For citation

Shkarin D.L. (2023) *Narrativnye aspekty ritmologicheskoi praktiki* [Narrative aspects of rhythmological practice]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 12 (2A), pp. 374-382. DOI: 10.34670/AR.2023.76.97.027

Keywords

Social constructivism, narrative psychotherapy, counseling, rhythmology, life scenarios, methods of changing personal attitudes.

References

1. Bruner Dzh. (2005) *Zhizn' kak narrativ* [Life as Narrative]. *Postneklassicheskaya psikhologiya* [Postnonclassical psychology], 1(2), pp. 9-29.
2. Fridman Dzh. Kombs Dzh. (2001) *Konstruirovaniye inykh real'nostey: istorii i rasskazy kak terapiya* [The creation of

- other realities-stories and rascals of therapy]. Moscow: Klass Publ.
3. Luhezarnova E.D. (2015) *Otkrovennoe znakomstvo* [Frank acquaintance]. Tom 1. Saint Petersburg: Ritmovzlet Publ.
 4. Luhezarnova E.D. (2014) *Otkrovennoe znakomstvo* [Frank acquaintance]. Tom 4. Saint Petersburg: Ritmovzlet Publ.
 5. Luhezarnova E.D. (2008) *Ritmika dlya sobytiya* [Rhythm for the event]. Saint Petersburg: Ritmovzlet Publ.
 6. Luhezarnova E.D. (2015) *Ritmologiya dlya kazhdogo* [Rhythmology for everyone]. Saint Petersburg: Ritmovzlet Publ.
 7. Luhezarnova E.D. (2016) *Tematicheskii proyasnitel'* [Thematic clarifier]. Saint Petersburg: Ritmovzlet Publ.
 8. Marchenko E.D. (2010) *Iz vlechenie pol'zy iz strakha* [Extracting benefit from fear] Moscow: Ritm 25 Publ.
 9. Marchenko E.D. (2010) *Znakom'sya, znak! Znakom'tes' – znaki!* [Meet the sign! Meet the signs!] Moscow: Ritm 25 Publ.
 10. Schmid V. (2003) *Narratologiya. Yazyki slavyanskoi kul'tury* [Narratology. Languages of Slavic culture]. Moscow.
 11. Turusheva Yu.B. (2016) *Narrativ kak kul'turnyi mediator razvitiya lichnosti: vzglyad skvoz' prizmu kul'turno-istoricheskoi psikhologii* [Narrative as Cultural Mediator in Personality Development: Looking through the Lens of Cultural-Historical Psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 12 (2), pp. 24-32.
 12. White M. (2010) *Karty narrativnoi praktiki: vvedenie v narrativnuyu terapiyu* [Maps of narrative practice: an introduction to narrative therapy] Moscow: Genezis Publ.